

Повторил судьбу Маресьева...

Новый учебный год - в Год памяти и славы - в старейшем учебном заведении подмосковного Орехово-Зуева – школе № 1 - начался со знаменательного события: на пришкольной территории состоялся митинг, приуроченный к открытию обновлённого памятника, посвящённого учителям и ученикам, погибшим в Великой Отечественной войне, а также в локальных войнах.

Старый памятник торжественно открыли ещё в 1965-м, к 20-летию Великой Победы. Его главным инициатором был тогда директор-фронтовик Иван Иванович Кобяцкий. Эстафета поколений продолжается: четыре года назад здесь возложил цветы погибшим народный артист России Александр Панкратов-Чёрный, приехавший в школу по приглашению выпускников-ветеранов.

Легендарный Иван Иванович Кобяцкий родился 23 января 1917 года вдалеке от Подмосковья - в селе Крюково Лысогорского сельского совета Куйбышевского района Ростовской области.

В Рабоче-крестьянской Красной армии он начал служить с 20 лет, с сентября 1937 года. До войны успел жениться, супруга - Ефросинья Емельяновна. Зимой 42-го ей пришлось испытать большое чувство горя, когда в её руках дрожало извещение «о без вести пропавшем» супруге-лётчике.

Кобяцкий, судя по архивным документам, служил в 40-м авиационном полку разведчиков Главного Командования Красной Армии (он же 40-й скоростной ближнебомбардировочный авиационный полк). Был здесь и стрелком-бомбардиром и штурманом и адъютантом. Участвовал в бомбардировке вражеских аэродромов, железнодорожных узлов, переправ, войск противника... Неоднократно при выполнении боевых заданий был атакован и обстрелян фашистскими истребителями, но, благодаря мастерству и храбрости, достойно выходил из самых тяжёлых ситуаций.

Полк базировался у самой границы и подвергся бомбардировке сразу же в первые минуты войны 22 июня 1941 года. Когда лётчики примчались на аэродром, они увидели несколько разбитых машин, убитых и раненых. Через два часа три девятки взвились в небо. Мощный бомбовый удар краснозвездных самолетов вывел из строя десятки фашистских танков.

В августе 1941 года полк Кобяцкого передислоцировали в Подмосковье, поближе к Москве. Там лётчики получили новенькие пикирующие бомбардировщики «Пе-2». Обороняя столицу, лётчики ежедневно совершали по семь – восемь боевых вылетов.

Как-то рано утром командир полка майор Павел Садов вызвал заместителя командира эскадрильи Петра Малаю и сообщил, что фашисты рвутся в направлении Яхрома – Дмитров. Штурман Кобяцкий вылетел вместе со своим командиром эскадрильи в первой пятерке. Спустились так низко, что от взрывов боеприпасов содрогнулись корпуса боевых машин. Этот манёвр вслед за Малаем и Кобяцким повторила вся эскадрилья. Гитлеровцы понесли большие потери, а все советские самолеты без потерь вернулись на военную базу.

Однополчанин и друг Кобяцкого Пётр Малай участвовал в освобождении Праги и Берлина, окончил службу подполковником в возрасте сорока шести лет, в мае 1954 года. После Победы жил у себя на родине в Донбассе. В мирное время боевые друзья переписывались, навещали друг друга.

За образцовое выполнение заданий 17 января 1942 года командование полка представило Кобяцкого к ордену Красного Знамени. К этому времени пилот совершил 35 боевых вылетов.

Четырнадцатое февраля 1942 года стало траурным для всего сорокового полка. В этот день из боевого вылета не вернулись семь лётчиков, в их числе и Кобяцкий. Все они длительное время считались «без вести пропавшими».

Именно 14 февраля полк получил ответственное задание. В районе Великих Лук, в Псковской области, вела кровопролитные бои отрезанная от наших большая группа советских воинов. Бойцы крайне нуждались в боеприпасах, продуктах и медикаментах. Лётчикам надо было определить площадки для посадки своих самолётов. Первым в разведку пошел самолёт лучшего аса полка, командира звена, кавалера ордена Ленина Сергея Лапшова и стрелка-бомбардира Ивана Кобяцкого.

Во время боевого вылета над территорией Белоруссии бомбардировщик, управляемый Лапшовым и Кобяцким, внезапно атаковали фашисты. Наш самолёт подбили – и он загорелся. Раненый в ногу Кобяцкий по приказу Лапшова выпрыгнул из кабины с парашютом и оказался на территории Витебска, занятой врагом. 22-летний комсомолец Сергей Лапшов не сумел спастись, погиб. Дома в г. Горьком у него осталась вдовой двадцатилетняя супруга Нина.

Как стало известно позже, под белорусским Витебском, помимо Лапшова, погиб ещё и командир эскадрильи, капитан Виктор Хуртин – в Саратове его не дождалась тридцатилетняя жена Мария.

Сам Кобяцкий и штурман звена, старший лейтенант Евгений Пономаренко оказались в фашистском плену. Остальные четверо из семи погибли в тот же день в авиационной катастрофе у посёлка Монино Щёлковского района Московской области.

...Четыре дня, или пять, – лётчик сбился со счёта - пробирался Кобяцкий через лесные заросли, волоча раненую ногу. Без еды, без воды, глотал снег. «Только бы дойти к своим», - надеялся он, преодолевая февральские сугробы.

Недалеко от линии фронта его, обессилевшего, схватили немцы. По дороге фашистские мародёры раздели 25-летнего советского пилота: сняли меховой комбинезон, унты, рукавицы. В результате - Иван обморозил ноги и руки.

На территории оккупированной фашистами Вязьмы находился лагерь для военнопленных «Дулаг – 184», куда и привезли Кобяцкого.

Фашисты превратили «Дулаг» по существу в лагерь смерти. Именно здесь в 1941-1942 годах погибло около семидесяти тысяч военнопленных. Бывало, что в течение нескольких дней пленных красноармейцев ничем не кормили, потом давали по 50 граммов концентратов в сутки. Хлебный паёк до мая 1942 г. пленные бойцы не получали совсем, а рацион питания был представлен супом из испорченной картофельной муки – тоже один раз в день. В январе-феврале 1942 г. выдавался суп из льняного семени. Часто гитлеровцы в пищу пленным готовили умерших животных, в том числе кошек и собак. Заключённых использовали на оборонительных работах – рытье окопов и блиндажей. На территории лагеря в большом сарае отводилось помещение, которое называли «лагерным госпиталем». Хотя таковым его можно назвать только условно. Этот большой сарай представлял собой место, где содержались обречённые на смерть раненые красноармейцы.

Не желая расхоронить на пленного лётчика Кобяцкого лекарства, немцы ампутировали ему обе ноги. В грязном бараке он смог передвигаться только на коленях. У него начали гнить пальцы рук.

«Прошу вас, перевяжите меня» - обратился он однажды к фельдшеру (тоже из пленных) госпиталя. И за эту просьбу немецкие охранники зверски избили Кобяцкого. Досталось и фельдшеру.

Однажды в барак для уборки пригнали русских женщин из смоленской Вязьмы. Одна из них, узнав о тяжёлом положении Ивана Кобяцкого, выдала его за своего брата и получила разрешение взять домой. У неё было доброе и отважное сердце. Узнай немцы, что она взяла к себе лётчика-коммуниста, кавалера боевого ордена, уничтожившего сотни фашистов, её бы и саму расстреляли. Она помогла Кобяцкому выжить. После войны лётчик пытался разыскать эту женщину, чтобы ещё раз поблагодарить.

Когда 12 марта 1943 года советские войска освободили Вязьму, Кобяцкого нашли однополчане. После лечения в советском военном госпитале фронтовик снова попытался

вернуться в свой полк. Но к полётам, как он не настаивал, его не допустили - кроме обеих ног, лётчик лишился ещё и пальцев рук.

Гвардии старшего лейтенанта Кобяцкого торжественно наградили долгожданным орденом Красного Знамени, к которому он был представлен ещё в январе 42-го и который не успели вручить. А потом удостоили ещё медалью «За оборону Москвы». Кобяцкий продолжил службу, но не в небесах, а на земле. Стал инструктором, обучал молодых пилотов.

В 1943 году над полком, где служил Иван Иванович, взял шефство широко известный в СССР коллектив Орехово-Зуевского завода «Карболит».

После Победы Кобяцкий узнал, что один из друзей, выполнявших, как и он, боевое задание, в феврале 1942-го, штурман старший лейтенант, кавалер ордена Красного Знамени Евгений Пономаренко не погиб, а попал в немецкий плен, был угнан в Германию, освобождён нашими только через три мучительных года - 2 мая 1945 года. Прошёл спецпроверку в 12-й запасной стрелковой дивизии, окончил службу в возрасте 31 года, 27 ноября 1945 г.

Сам Кобяцкий, комиссованный по болезни и признанный инвалидом, в 1944-м переехал с семьёй в город Орехово-Зуево по приглашению заводчан.

Здесь ему помогли с работой, предоставили комнату. Работая на производстве, Кобяцкий продолжил и свою учёбу в местном Учительском институте (в 1950 году преобразованном в педагогический), успешно окончил его, получил диплом. В Орехово-Зуевском военкомате фронтовику дали направление в школу № 1, сначала учителем истории.

А затем лётчик Кобяцкий стал одним из тех фронтовиков, кто возглавил местные педагогические коллективы. После войны, оставившей разруху, вдов, разбитые семьи, безотцовщину и тысячи трудных подростков, школа становилась великим полем решающей битвы за судьбы детей – будущих граждан Отечества.

И.И. Кобяцкий подвижнически трудился в должности директора первой школы до августа 1980 года...

Стал заслуженным учителем РСФСР. Неоднократно избирался депутатом Орехово-Зуевского городского Совета народных депутатов.

До сих пор добрая память о Кобяцком живёт в коллективе старейшей школы, его помнят многочисленные ученики, сами давно ставшие преподавателями и сотрудниками Государственного гуманитарно-технологического университета (бывшего педвуза).

Иван Иванович Кобяцкий был строгим, принципиальным, справедливым директором. За своих коллег, когда надо, стоял горой.

В школе при нём работала 30-летняя преподаватель-филолог Зоя Сергеевна Старкова, а в будущем – известный советский учёный-искусствовед, автор книг о литературе и кино. Я читал её книги, был лично с ней знаком, в т.ч. в ЦДЛ в Москве на вечере памяти её супруга В.А. Старкова (1931-1966 гг.). Старкову очень уважали и любили школьники и студенты за интересные уроки, лекции.

Её муж, из «шестидесятников», выпускник МГУ, журналист и поэт Виктор Старков, трагически погибший в 35 лет, оставил по этому поводу интересные воспоминания: «Однажды Зоя вернулась из школы расстроенной. Большая неприятность. Поводом послужил диспут, который она с большим успехом провела среди старшеклассников на тему «Идеал или одеяло». Я был болельщиком всей подготовки к диспуту. Бунтарский дух Маяковского гудел на четвёртом этаже школы № 1. Были вывешены в коридоре декларации, утверждающие «тезу» и «антитезу», спор «Единство и борьба противоположностей», чтобы учащиеся сами находили примеры для своей аргументации. «Диалоги Сократа и Платона; жизненные контрасты из биографий Ван Гога и Гогена; уход Льва Толстого осенней ночью из Ясной Поляны; освобождение Чехова от психологии раба перед властью копейки» и многое-многое другое. Это был настоящий праздник для школьников.

И вдруг на другой день директор вызывает Зою в кабинет и включает кем-то записанную фонограмму всего диспута. Ясно – обвинение в безыдейной направленности проведённого мероприятия. Сам директор школы Иван Иванович Кобяцкий – герой Великой

Отечественной войны. Он прямо в присутствии З.С. звонит в Орехово-Зуевский ГК КПСС и говорит, что фонограмму прослушал – и ничего крамольного в диспуте не находит...» Короче, защитил молодого и талантливого педагога от давления и наказания «бдительных» товарищей из партийного горкома.

За тридцать лет учительства и мудрого руководства образовательным коллективом при И.И. Кобяцком первая школа выпустила сотни талантливых молодых людей, настоящих граждан, патриотов города и России, прославивших свою альма-матер и малую родину.

Евгений Голоднов